

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

А. С. Будиловичъ.

Будиловичъ

ЗНАЧЕНІЕ МАКЕДОНИИ

ВЪ СУДЬБАХЪ

ГРЕКО-СЛАВЯНСКАГО МІРА.

11.1.1903

Оттискъ изъ „Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго
Благотворительнаго Общества“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., д. № 45.

1903.

D371
E8

Дозволено цензурою. Спб. 12 Ноября 1903 г.

History-SATHER

70 VINT
ABRACHIAO

Значеніе Македоніи

въ судьбахъ греко-славянскаго міра ¹⁾.

I.

Хотя Македонія не представляется особенно значительной и цѣльной областью ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе ей пришлось играть очень видную и важную роль не только въ средѣ народовъ Балканскаго полуострова, но и въ общихъ судьбахъ аріевропейскаго человѣчества, особенно же—грекославянскои его вѣтви.

Не будучи ни островомъ, ни полуостровомъ, Македонія никогда не имѣла такой опредѣленности и территоріальной устойчивости, какъ, положимъ, Морея или Италия. Орошающія ее рѣки: Быстрица (древній Геліакмонъ), Вардаръ (Аксиосъ), Струма (Стримонъ), Места (Нестосъ), впадаютъ, правда, всѣ въ Эгейское море, но не въ одинъ и тотъ же заливъ, при чемъ и въ среднемъ своемъ теченіи онѣ отдѣлены довольно высокими хребтами, которые обособляютъ ихъ системы. Да и окружающія Македонію горы: Олимпъ и Пиндъ на Ю.-З., Шаръ, Черная и Осоговская горы на С., Родопы на В. не представляютъ какой нибудь сплошной цѣпи, въ родѣ Альпъ или Пиренеевъ, а составляютъ отдѣльныя системы, перерѣзанныя перевалами и ущельями, облегчавшими сношенія съ окрестными областями. Очень рано черезъ эти перевалы устроены были болѣе или менѣе удобныя торговыя и военныя дороги, изъ коихъ въ римское время особенно знамениты были: 1. *Via Egnatia* — изъ Драча на Охридѣ и Солунѣ во Фракію, и 2. изъ Бѣлграда по Моравѣ и Ситницѣ къ перевалу Качаницкому, а далѣе на Скопье къ Солуню и на Лариссу въ Элладу.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Сиб. Слав. бл. общ. 14 февр. 1903 г.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что Македонія занимала то меньшую, то большую территорію: иногда она сосредоточивалась въ долинѣ Быстрицы и Вардара, иногда же обнимала также систему Струмы и Месты, а подчасъ перебѣгала въ систему албанскаго Дрима, на востокъ же въ долину Марицы. Такъ, напр. при Филиппѣ II въ Македонію входила и часть Фракіи, гдѣ онъ заложилъ г. Филиппополь, нынѣшній Пловдивъ; а при Василіи I, основателѣ македонской династіи византийскихъ императоровъ, въ Македонію входилъ и Адрианополь, мѣсто родины этого императора. Въ XV и XVI вв. въ Македонію были включены не только Софія и Дечаны, но даже Подгорица и Сараево. Въ другія же эпохи Македонія совершенно исчезала въ Иллирикѣ или была раздѣлена на Македонію дѣревую, приморскую, и вторую, внутреннюю (при Константинѣ, напр., Великомъ). И нынѣ часть системы р. Струмы лежитъ въ Болгарскомъ княжествѣ, верхнее же теченіе Вардара, со Скопьемъ, связано административно съ вилаекомъ Косовскимъ.

Нужно еще замѣтить, что терминъ Македонія вовсе не употребляется — даже запрещенъ — въ административномъ языкѣ Порты, которая знаетъ лишь вилаеты: Солунскій, Монастырскій, Косовскій, что удержано и въ сообщеніи русскаго правительства отъ 12 февр. с. г. по вопросу о реформахъ въ Македоніи и Старой Сербіи. Только въ наукѣ, а съ Крымской войны нерѣдко и въ дипломатіи употребляется терминъ Македонія.

Придерживаясь этого полуантикварнаго употребленія, и я буду разумѣть въ настоящемъ очеркѣ подъ словомъ Македонія область, опоясанную Олимпомъ, Пиндомъ, Мокрою-планиной, Дебрями, Шаръ-планиной, Черной горой (Скопской), Осоговской г., Рыломъ, Родопою (Доспатою), а съ юга Эгейскимъ моремъ, отъ залива Солунскаго до Кавалскаго, у впаденія р. Месты.

Еще менѣе опредѣленности представляетъ Македонія въ отношеніи этнографическомъ. Для древняго періода мы сами не знаемъ въ точности: къ какому племени принадлежало населеніе этой области? Лишь гипотетически можно полагать, что восточная часть Македоніи была населена встарь племенами фракійскаго корня, родственными древнимъ троянцамъ, а повидимому и нынѣшнимъ армянамъ; западная—вѣтвями иллирскаго племени, остаткомъ коего признаются албанцы; южная же или македонская въ тѣсномъ смыслѣ, гдѣ находились столицы древнихъ македонскихъ царей Эдесса и Пелла, вѣроятно уже въ ту пору составляла помѣсь фрако-греческаго и иллиро-греческаго или, какъ

нѣкоторые выражаются, пелаго-греческаго населенія. Открытымъ остается пока вопросъ объ отношеніи этого послѣдняго слоя къ дорянамъ древней Эллады, которые, по преданіямъ, переселились на югъ именно изъ областей подолимпскихъ.

Но и въ историческую пору не было, кажется, момента, когда бы населеніе Македоніи было объединено въ племенномъ отношеніи. Греческій языкъ былъ, конечно, тутъ очень силенъ въ періодъ Македонскаго царства, особенно ко времени Александра Вел. и діадоховъ; но во внутреннихъ и подгорныхъ частяхъ страны и тогда сохранялись ерако-иллирскія стихіи. Въ началѣ III в. до Р. X. (ок. 280 г.) она была потрясена Кельтскимъ нашествіемъ. Со II в. до Р. X. вторгается сюда, съ римскимъ завоеваніемъ, италійская колонизація, слѣды коей доннѣ хранятся въ цынцарскомъ или куцо-влахскомъ, арумынскомъ населеніи, болѣе или менѣе родственномъ придунайскимъ румынамъ. Далѣе слѣдовали опустошительные набѣги готовъ, гунновъ, аваровъ, въ приморьяхъ—пиратовъ сарацынскихъ, а наконецъ, громадный наплывъ славянъ, которые въ VI—VII вв. затопили не только Македонію, но и всю почти Грецію, вплоть до Морей. Впослѣдствіи къ этому прибавились еще нашествия южно-италійскихъ норманновъ, крестоносныхъ франковъ, купцовъ и нобилей венеціанскихъ, испанскихъ евреевъ, наконецъ, татаръ и турокъ, которые и доннѣ составляютъ чуть не треть населенія этой страны.

Такимъ образомъ терминъ „македонецъ“ имѣетъ скорѣе географическое, чѣмъ этнографическое значеніе, подобно терминамъ: австріецъ, венгерецъ, швейцарецъ, хотя, конечно, въ исторіи Македоніи были моменты рѣшительнаго преобладанія въ странѣ той или другой народности, напр. ерако-иллирской въ древнѣйшую пору, затѣмъ греческой, а съ VIII—IX вв. славянской. И нынѣ при 2 мил. 258 тыс. населенія Македоніи не менѣе 1 мил. 181 тыс. славянъ (въ томъ числѣ 148 т. потурченцевъ), тогда какъ турокъ (и татаръ) здѣсь не болѣе 500 тыс., грековъ 228 т., албанцевъ до 128 т., куцовлаховъ до 80 т., испанскихъ евреевъ 67 т., цыганъ 54 т. и черкесовъ 2—3 т., не считая меньшихъ и случайныхъ группъ ¹⁾.

¹⁾ Ср. В. Клячовъ. Македония. София 1900 г., стр. 289.

II.

Переходя затѣмъ къ вопросамъ историко-культурной области, я прежде всего коснусь значенія Македоніи въ религиозной жизни образованныхъ народовъ, затѣмъ разсмотрю ея роль въ сферѣ политическихъ отношеній и наконецъ—въ кругѣ явленій научно-художественныхъ, или національно-культурныхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Что Македонія уже въ древности играла нѣкоторую роль въ религиозной жизни грековъ, видно изъ священнаго значенія Олимпа, возвышающагося на границахъ Македоніи и Фессаліи, какъ трона боговъ Эллады въ классическій ея періодъ. То же подтверждаютъ греческія легенды о миѳическомъ кнѳародѣ Орфеѣ, въ преданіяхъ о которомъ упоминается и Олимпъ, и Родопа, и Гемъ, и Стримонъ, т. е. всѣ почти главныя части Македоніи. Въ ней же сосредоточенъ былъ мистическій культъ кабировъ, проникшій сюда, повидимому, чрезъ Самоѳракію изъ Финикіи и слѣдовательно являющійся однимъ изъ раннихъ звеньевъ между вѣрованіями симитскихъ и арійскихъ народовъ. Однимъ изъ центровъ этого культа былъ именно Солунь, гдѣ сверхъ того находились храмы Зевеса, Аполлона, Діониса, Артемиды, Посейдона, Иракла, а позже и въ честь нѣкоторыхъ римскихъ кесарей. Впослѣдствіи они были отчасти перестроены въ храмы христіанскіе, а нѣкоторые донинѣ сохранились въ видѣ то церквей, то мечетей.

Вѣроятно, этимъ широкимъ развитіемъ въ македонскихъ городахъ религиозной жизни объясняется вниманіе къ нимъ апостола Павла, который нѣсколько разъ проѣзжалъ чрезъ Македонію, останавливался въ нѣкоторыхъ ея городахъ и даже написалъ посланія: одно къ филиппійцамъ, въ Ю.-В. углу ея, а два къ солунянамъ. Послѣднихъ ап. Павелъ называетъ „образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи (Сол. I, 1 гл., 7 ст.); ибо отъ нихъ пронеслось слово Господне не только въ Македоніи и Ахаіи, но и повсемѣстно разошлась слава о ихъ вѣрѣ въ Бога“ (ib. 8). Въ частности апостоль хвалитъ солунянъ за братолюбіе, о „которомъ нѣтъ нужды и писать вамъ, ибо... вы такъ поступаете со всѣми братьями по всей Македоніи“ (ib. 4 гл., 9—10 ст.). Вообще онъ называетъ ихъ „сынами свѣта и сынами дня, а не сынами ночи или тьмы“ (ib. 5 гл., 5—6).

Извѣстно, какой глубокой слѣдъ оставила по себѣ дѣятельность этого „апостола язычниковъ“ во всѣхъ странахъ, гдѣ ему

удалось побывать. Въ частности же Филиппы и Солунь стали съ тѣхъ поръ настоящими свѣточами христіанства въ этихъ краяхъ. Въ первомъ изъ нихъ упоминается, какъ епископъ, Ермъ (Ερμᾶς), одинъ изъ 72 апостоловъ. Въ Солунѣ же между непосредственными преемниками ап. Павла называются Аристархъ и н. др. Изъ послѣдующихъ іерарховъ Солуня Александръ, еп. солунскій и всего Иллирика, присутствовалъ на I вселенскомъ соборѣ (325 г.). Тутъ были изданы Константиномъ В. нѣкоторые изъ эдиктовъ въ пользу христіанства (322—323 гг.); здѣсь крещенъ въ 380 г. имп. Θεодосίη Великій; отсюда вышло до 40 христіанскихъ мучениковъ, и во главѣ ихъ св. Димитрій Солунскій, казненный при Максиміанѣ Галеріи въ мѣстномъ амфитеатрѣ, въ 306 г., и донинѣ почитаемый солунцами, даже турками, какъ патронъ ихъ города. Посвященный ему великолѣпный храмъ (правда, не первоначальный) сохранился до нашихъ дней, какъ мечеть (съ 1481 г.). Та же участь постигла здѣсь и другіе древніе храмы, напр. св. Параскевы, св. Георгія, св. Софіи, изъ коихъ первый перестроенъ изъ капища Афродиты, второй—Кабировъ, а третій замѣчательнъ тѣмъ, что сооруженъ Андеміемъ, строителемъ св. Софіи въ Константинополѣ.

Во время иконоборчества Солунь держался такъ твердо иконопочитанія, что получилъ за то почетное названіе „города православія“.

Не удивительно, что, по нашей „Начальной лѣтописи“, „словѣне“ (иллирскіе) признавали ап. Павла, какъ основателя солунской церкви, своимъ благовѣствователемъ. Въ смыслѣ буквального, это, конечно, не точно, ибо во дни ап. Павла и вообще до V—VI в. не было въ Македоніи „словѣнъ“. Но въ идеѣ и послѣдніе, подобно грекамъ, могутъ считать себя духовными чадами Солунскаго благовѣстника, и даже не одни македонскіе „словѣне“, ибо въ половинѣ IX в. изъ того же Солуня вышли два другіе апостола, которыхъ миссіонерская дѣятельность уже безспорно имѣетъ значеніе общеславянское.

То были славные солунцы Кириллъ и Меѳодій, которыхъ память и мы нынѣ празднуемъ, какъ основателей славянской церкви, при томъ не на Балканскомъ лишь полуостровѣ, но и въ Южной Руси, Великой Моравіи, съ Чехіей, Словаціей и Панноніей, а въ послѣдствіи—при ихъ ученикахъ и послѣдователяхъ—и во всѣхъ прочихъ славянскихъ странахъ.

Между этими учениками и послѣдователями славяне македонскіе — наряду съ цареградскими и малоазійскими — играли, оче-

видно, не малую роль, ибо въ ихъ знакомой средѣ солунскимъ братьямъ всего легче было подобрать нужный контингентъ лицъ, подготовленныхъ для миссіонерской дѣятельности между славянами. Это подтверждается и тѣмъ, что по смерти св. Меодія (въ 885 г.), когда его ученики во множествѣ были изгнаны изъ Вел. Моравіи интригами нѣмцевъ и недоумыслиемъ мѣстныхъ славянскихъ князей, многіе и лучшіе изъ нихъ направились, словно на свою родину, въ Македонію, гдѣ, напр., св. Климентъ былъ затѣмъ епископомъ Велицкимъ, близъ Охридъ, а св. Наумъ—основателемъ монастыря его имени, на Охридскомъ же озерѣ.

Этимъ, повидимому, опредѣлено было и священное значеніе Македоніи въ глазахъ всего славянства. Очень рано, уже во второй половинѣ X в., сюда перенесенъ былъ патріаршій столъ болгарскій, а именно: изъ Преслава въ Водень, потомъ въ Могаля и наконецъ въ знаменитую Охриду, гдѣ автокефальный глава болгарской церкви—хотя и огречившійся впоследствии—оставался до 1767 г. По близости отъ Македоніи, въ старосербскомъ Печѣ, утвердили и сербскіе архіепископы, позже именовавшіеся патріархами, свой автокефальный престолъ (до 1766 г.). Въ системѣ македонской Струмы расположенъ и знаменитый болгарскій монастырь св. Іоанна Рыльскаго, а въ системѣ македоно-албанскаго Дрима—Высокіе Дечаны сербовъ.

Но главнымъ средоточіемъ и дѣятелемъ въ развитіи на грекославянскомъ востокѣ религіозныхъ завѣтовъ свв. Кирилла и Меодія является Македонскій Аѳонъ.

По греческимъ легендамъ, гора эта, пмѣющая видъ громаднаго конуса, до 2.000 метр. выс., была нѣкогда камнемъ, который брошенъ въ боговъ Олимпа мятежнымъ гигантомъ Аѳономъ, сыномъ Посейдона. Въ христіанское время камень этотъ, наоборотъ, сталъ какъ бы высокимъ жертвенникомъ молитвъ сначала отдѣльныхъ отшельниковъ, а потомъ организованныхъ братствъ и обителей.

Организація эта не восходитъ къ большой древности: ея еще не было въ вѣкъ Солунцевъ, которымъ вслѣдствіе того пришлось для уединеннаго богомыслія избрать другое, болѣе удаленное отъ Солуны мѣсто. Такимъ былъ Олимпъ малоазійскій, вблизи Брусы, гдѣ находился Полихронскій монастырь, извѣстный изъ житіи славянскихъ первоучителей.

Аѳонъ же, какъ подобная этому малоазійскому Олимпу „Святая Гора“ Востока, выдвигается уже со второй половины X в., слѣдовательно, одновременно съ расцвѣтомъ славянской церкви

и въ другихъ частяхъ Македоніи, въ школахъ такъ называемыхъ „сѣдмочисленниковъ“ и ихъ учениковъ.

Не останавливаясь ближе на условіяхъ возникновенія и устроенія на Св. Горѣ существующихъ тамъ нынѣ монастырей (20), скитовъ (13), келій и колибъ (до 800), я только отмѣчу, что въ сооруженіи ихъ принимали дѣятельное участіе не только византійскіе императоры, вельможи, іерархи, но также цари, князья и вельможи болгарскіе, сербскіе, молдовалашскіе, угровалашскіе, грузинскіе, наконецъ—русскіе. Равнымъ образомъ и въ средѣ братій Св. Горы издревле были выходцы изъ всѣхъ грекославянскихъ странъ. Группировались они въ братскомъ единеніи повсемѣстно, но съ нѣкоторымъ предпочтеніемъ русскихъ къ монастырю Св. Пантелеймона (Русикъ), болгаръ къ Зографскому, сербовъ къ Хиландарскому.

Понятно, что при такомъ грекославянскомъ характерѣ аѳонскаго церковнаго строя, Св. Гора не могла пользоваться особыми сочувствіями на Западѣ, что отразилось, между прочимъ, въ воздвигнутомъ на нее гоненіи рыцарями IV крестоваго похода, въ періодъ—къ счастью, кратковременный—латинской имперіи и солунскаго королевства. И испанскіе каталонцы, свирѣпствуя въ областяхъ Восточной Имперіи, нанесли тяжелый ударъ святогорцамъ (въ 1307), отъ котораго послѣдніе, однако, вскорѣ оправились, благодаря покровительству Палеологовъ, а потомъ до нѣкоторой степени и султановъ. Послѣдніе видѣли въ этой монашеской республикѣ своего рода христіанскій противень для своей „Горы дервишей“ (въ подножьи вышеупомянутаго малоазійскаго Олимпа) и не касались его самоуправленія. Лишь въ періодъ господства на Родопѣ дикихъ „кырджалиевъ“ и во время возстаній за освобожденіе Греціи, Аѳонъ нѣсколько пострадалъ отъ турокъ. Но съ 1830-хъ годовъ онъ сталъ развиваться въ мирѣ, особенно благодаря наплыву русскихъ монаховъ, составляющихъ нынѣ значительный контингентъ—около половины братіи—въ этой монашеской республикѣ ¹⁾.

Если въ древности Аѳонъ, по своему высокому положенію, господствующему на пространствѣ отъ Фессаліи до Дарданеллъ и отъ Доспатскихъ горъ до сѣверныхъ Спорадовъ, считался главнымъ маякомъ этой части Эгейскаго моря, то въ послѣдніе 800—900 л. онъ сыгралъ роль какъ бы маяка духовнаго грекославян-

¹⁾ Ср. Кжнчовъ. Македонія. Стр. 175. На Аѳонѣ русскихъ свыше 4.000, изъ общаго числа 9.900 жит.

скихъ народовъ, не утратившаго для нихъ и теперь своего объединяющаго значенія.

Наконецъ, монашескія подворья, храмы, часовни отдѣльныхъ аѳонскихъ обитателей, устроенныя ими въ Солунѣ, Цареградѣ, Одессѣ, Новомъ Аѳонѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ пунктахъ восточно-христіанскаго міра и замѣтно облегчающіе паломническія хожденія православныхъ людей, особенно русскихъ на Аѳонъ и въ Палестину, также служатъ звеньями въ духовной цѣпи, связывающей этотъ міръ единствомъ вѣры, надежды, любви.

III.

Если столь значительными оказываются вклады Македоніи въ религіозной области, то не менѣе важны они и въ сферѣ отношеній государственныхъ. При всемъ несравненномъ величиніи и силѣ своего національнаго генія, эллины, рѣшавшіе съ такой глубиной и легкостью самыя возвышенныя вопросы мысли и знанія и даже соорудившіе въ Аѳинахъ жертвенникъ Богу Невѣдомому, оказались крайне слабыми, даже прямо безпомощными въ творчествѣ политическомъ. Начавъ съ мелкихъ царьковъ, увѣковѣченныхъ въ типахъ Агамемнона и Менелая, эллины дошли потомъ до аристократій и демократій узкаго муниципальнаго характера; послѣднія объединялись иногда въ союзы гегемоническаго типа, но очень шаткой и хрупкой организаціи.

Въ этомъ отношеніи эллины напоминаютъ въ арійской средѣ индусовъ, которые также создали много вѣковѣчнаго въ области творчества личнаго—въ философіи, искусствѣ, даже религіи (буддизмъ), но не могли произвести ничего долговѣчнаго и обширнаго въ сферѣ государственной, почему всегда были легкою добычею завоевателей и донинѣ остаются жертвою ихъ эксплуатаціи. Персидскія войны окончились, правда, благополучно для грековъ Эллады, но малоазійскія ихъ вѣтви не могли освободиться отъ персовъ, царство которыхъ имѣло между тѣмъ громадную живучесть и способность возрождаться послѣ всѣхъ катастрофъ, вплоть до нашихъ дней.

И вотъ тутъ то выступаетъ Македонія, какъ страна съ политическими стремленіями и способностями,—болѣе того, съ государственнымъ геніемъ, обезмертившимъ имена Филиппа II и Александра III македонскихъ, съ нѣкоторыми преемниками послѣдняго.

Въ мою задачу не можетъ входить разсмотрѣніе условій, благодаря которымъ постепенно окрѣпло македонское государство и, объединивъ грековъ, преобразовалось въ имперію, обнимавшую чуть не всё извѣстныя тогда образованныя страны трехъ материковъ Старога Свѣта. Но я не могу не отмѣтить, что Македонія сыграла въ этомъ отношеніи въ греческомъ мірѣ роль, нѣсколько аналогичную той, которая выпала потомъ франкамъ при образованіи Карломъ Великимъ „римской имперіи нѣмецкой націи“, а еще позже пруссакамъ или—частіе Бранденбургу при образованіи имперіи новонѣмецкой и нашей Москвы при выработкѣ царства Всероссійскаго.

Что касается характера и значенія Македонской имперіи Александра Великаго, то хотя она сложилась не безъ нѣкотораго вліянія царства Персидскаго, какъ древнѣйшаго аріискаго прототипа міровыхъ государствъ вообще, тѣмъ не менѣе она существенно отличалась отъ послѣдняго по организаціи и задачамъ. Не имѣя подъ собою и за собою сильнаго культурнаго субстрата, царство Персидское развивалось болѣе въ проявленіяхъ силы физической, чѣмъ духовной, съ полнымъ подавленіемъ личности и пренебреженіемъ задачъ культурныхъ. Имперія Македонская, наоборотъ, отправлялась отъ идей и идеаловъ греческой жизни, хотя и переработанныхъ въ горнилѣ македонскаго политическаго генія. Она была носителемъ всѣхъ культурныхъ стяжаній Эллады, которыхъ міровое значеніе и тогда уже для всѣхъ было очевидно.

Съ другой стороны имперіализмъ Македонскій не походилъ и на торгашескій, эксплуататорскій имперіализмъ Картагена, послужившій прототипомъ для синьоріи Венеціанской, а позже для имперіи Великобританской.

Потому то и вклады Македонской монархіи были настолько велики, что опредѣлили собою новый періодъ въ жизни всего образованнаго человѣчества. Хотя Александръ Великій пронесся, казалось, мимолетнымъ метеоромъ надъ передней Азіей и смежною съ нею Африкой, однако слѣды этого перелета и теперь еще чувствуются въ тѣхъ странахъ. Изъ вождей его арміи и государственныхъ людей его школы вышли дѣятели, которые и по смерти царя упрочили господство греческой образованности на всемъ востокѣ.

Оплодотворивъ греческими идеями и учрежденіями Египетъ, Сирію, Малую Азію, Месопотамію, даже Персію, Александръ Великій и его преемники: Птолемиды, Селевкиды, Антигониды

и др. содѣйствовали съ тѣмъ вмѣстѣ усвоенію греками всего того, что оставалось еще живучаго въ образованности хамитовъ, симитовъ и восточныхъ яфетидовъ, вплоть до Индіи. Отсюда и вышла блестящая образованность эллинистическаго періода, которой суждено было сдѣлаться какъ бы культурнымъ предтечею—христіанства.

Правда, въ моментъ появленія послѣдняго въ большей части эллинскихъ и эллинистическихъ государствъ развѣвались уже знамена Римской имперіи. Но не была ли и эта послѣдняя одной изъ историческихъ эволюцій имперіи Македонской?

Еще тѣснѣе связана была съ послѣднею имперіа Византійская, которая также обязана была своей окончательной организаціей одному изъ гениальныхъ сыновъ Македоніи, Юстиніану Великому. Въ Византійской же имперіи впервые достигъ восточно-христіанскій міръ своего гражданскаго и церковнаго уклада представляющаго—подъ сводами христіанства—своеобразное сочетаніе идей эллинскихъ и македонскихъ, эллинистическихъ и римскихъ.

Благодаря именно такому укладу, Византійская имперія въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ служила для народовъ христіанскаго востока щитомъ и противъ восточныхъ завоевателей—персидскихъ, арабскихъ, турецкихъ—и противъ романо-германскаго запада, который ко времени крестовыхъ походовъ сложился въ особый, враждебный византійскому и завоевательный культурный типъ.

Когда же Византія пала, наконецъ, подъ ударами мусульманъ, то вмѣстѣ съ гербами имперіи перешли ея историческія задачи на царство Московское, которое съ той поры многіе книжники и именовали третьимъ Римомъ, но которое, пожалуй, было бы вѣрнѣе называть второй Византіей или третьей Македонской монархіей.

Замѣчательно, что въ періодъ образованія и развитія на славянскомъ югѣ самостоятельныхъ государствъ, Болгарскаго и Сербскаго, проявляется въ нихъ какое-то невольное тяготѣніе къ Македоніи. Это можно утверждать о всѣхъ почти болгарскихъ государяхъ, начиная съ кн. Бориса, царей Симеона и Самуила, и кончая Асенцами XIII в., а затѣмъ—о многихъ сербскихъ Неманичахъ, до конца XIV в. Нерѣдко въ Македоніи утверждаема была и резиденція этихъ государей, въ городахъ, напр., Воденѣ (древняя Эдесса), Битолѣ (древ. Гераклея), Преспѣ, Охридѣ (древ.

Лихнида) при государяхъ болгарскихъ, въ Скопъ, Прилѣтъ, Съръ— при сербскихъ.

Необходимо прибавить, что уже въ ту пору Македонія становилась по временамъ яблокомъ раздора между государями болгарскими и сербскими, напр., при князѣ Борисѣ, а позже при Михаилѣ Шишманидѣ и Стефанѣ Дечанскомъ,—что, къ сожалѣнію, возродилось и въ XIX в.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ была какая-то трудность для государей и болгарскихъ и сербскихъ прочно утвердиться въ Македоніи. Отчасти она объясняется тѣмъ, что ни тѣ, ни другіе не имѣли сильнаго флота: болгары, какъ народъ издревле и донинѣ не мореходный, сербы же какъ народъ мореходный лишь на Адриатикѣ, въ Далмаціи и Хорватскомъ приморьѣ, а не на водахъ Эгейскихъ, гдѣ господствовать то греческій флотъ, то сарацынскій, то венеціанскій, то турецкій, но никогда еще прочно не господствовали славянскій. Потому-то Солунь и другіе приморскіе города и порты Македоніи и не входили никогда въ славянскія государства, несмотря на всѣ усилія ихъ овладѣть этими портами. А между тѣмъ арабскимъ пиратамъ (въ 904 г.), норманскимъ грабителямъ (въ 1185 г.) и туркамъ (въ 1430 г.) удавалось захватывать Солунь, при содѣйствіи флота.

Изъ этого слѣдуетъ, кажется, что и въ будущемъ славянамъ не возможно будетъ упрочить своего преобладанія въ Македоніи, безъ содѣйствія славянскихъ же флотовъ.

Міровое значеніе Македонской монархіи Александра Великаго, какъ прототипа Римской имперіи, позже Византійской, а въ дальнѣйшихъ эволюціяхъ и Всероссійской, съ подготовительными для послѣдней этапами въ старыхъ государствахъ Великоморавскомъ, Болгарскомъ, Сербскомъ—было причиною чрезвычайной распространенности между славянами легендарныхъ разсказовъ объ этомъ великомъ государѣ. Образовался даже, по греческимъ образцамъ, особый кругъ повѣстей объ Александрѣ или Александреиде. Легенды эти уцѣлѣли во многихъ редакціяхъ на языкѣ церковно-славянскомъ, а отчасти и на отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Кое-что изъ этихъ легендъ вошло и въ славянскія лѣтописи, напр., въ нашу „Начальную“ вставка о печистыхъ людяхъ, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ въ полночныхъ горахъ и долженствующихъ выйти оттуда предъ кончиною міра ¹⁾. Въ краткомъ же греческомъ житіи Св. Климента Велическаго Александру Македон-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. подъ 1096 г.

скому приписано изгнаніе изъ подъ Олимпа (бливъ Бруссы, въ Малой Азіи) мивовъ или болгаръ, которые его рукою были-де откинута къ Сѣв. океану и Мертвому морю, откуда потомъ съ оружіемъ въ рукахъ перешли чрезъ Дунай и заняли Паннонію, Далмацію, Фракію и Иллирику, а также большую часть Македоніи и Фессаліи ¹⁾. Въ старо-чешской же литературѣ упоминается „Завѣщаніе Александра В. славянамъ“, гдѣ онъ даритъ послѣднимъ земли отъ глубокаго сѣвера до Италіи.

Не отсюда ли и распространенность между славянами имени Македонскаго героя, отразившаяся и на Руси въ имени Александра Невскаго, а въ XIX в.—трехъ тезоименитыхъ ему императоровъ?..

IV.

И въ области научно-художественной Македонія занимаетъ весьма видное мѣсто въ лѣтописяхъ человѣчества. Встарину тутъ развивалась широкая культурная жизнь, напр., въ городахъ Эдессѣ и Пеллѣ, которые были столицами македонскихъ царей, затѣмъ въ Пелагонской Гераклеѣ (нынѣ Битоля), въ Лихнидѣ (поздн. Охрида), а равно въ приморскихъ колоніяхъ грековъ, каковы: Терме (съ 315 г. переименованной Кассандромъ въ Фессалонику, по имени его жены, сестры Александра Вел.), Потидея, Олинѣ, Неаполь (Кавала), Халкидская Аполлонія, Амфиполь, Филиппы, Стагирь и др.

Большинство этихъ городовъ, по разрушеніи ихъ то Римомъ, то варварами, обратились въ захолустные посады и селенія, кромѣ Солуны, Охриды и Битоля, сохранившихъ донынѣ часть своего прежняго значенія. Но разсѣянныя по Македоніи во множествѣ остатки древнихъ акрополей, храмовъ, дворцовъ, театровъ, портиковъ, статуй и т. п. свидѣтельствуютъ о древнемъ величій и культурномъ значеніи этихъ мѣстностей.

Сохранились извѣстія, что македонскіе цари уже очень ранней эпохи привлекали къ своему двору греческихъ поэтовъ, мыслителей, художниковъ, такъ что въ Эдессѣ и Пеллѣ побывали, напр., Пиндаръ, Ишюкратъ, Еврипидъ, Исократъ, Платонъ, Демосѣенъ и многіе другіе знаменитые греки.

Но всемірную славу Македоніи въ этомъ отношеніи опредѣляетъ появленіе среди ея сыновъ величайшаго изъ ученыхъ

¹⁾ Ламанскій. О Слав. въ Мал. Азіи, стр. 153.

древности—Аристотеля. Хотя по своему образованію, какъ ученикъ Платона, и затѣмъ по дѣятельности въ Аѳинскомъ лицѣѣ, онъ можетъ считаться эллиномъ, но по происхожденію—изъ македонскаго г. Стагира, не вдалекѣ отъ Аѳона, а равно и по отношеніямъ къ македонскому двору, гдѣ отецъ философа былъ придворнымъ врачомъ, а самъ онъ воспитателемъ наслѣдника престола, именно Александра Великаго (въ 343—340 гг.), Аристотель долженъ считаться македонцемъ. Быть можетъ, потому-то и во взглядахъ на организацію государства онъ существенно отличался отъ тогдашнихъ эллиновъ, напр., Демосѳена, который считалъ главною задачею грековъ бороться не съ персами, а съ македонскимъ имперіализмомъ, тогда какъ Аристотель признавалъ въ своей „политикѣ“ монархію болѣе высокою формою правленія, чѣмъ аристократія или демократія, конечно, подъ условіемъ, что она не вырождается въ тираннію, которая-де еще хуже олигархіи и охлократіи.

Отсюда можно заключать, что Аристотель сочувствовалъ и македонскому имперіализму Александра В., который и на дѣлѣ оказался весьма полезнымъ для дальнѣйшихъ судебъ греческаго образованія и его распространенія на Востокъ. Во всякомъ случаѣ, философскій универсализмъ Аристотеля и политическій его блестящаго ученика выступили на сцену исторіи совмѣстно и взаимно обусловили успѣхъ обоихъ.

Не касаясь здѣсь содержанія Аристотелевской философіи и науки, я позволю себѣ подчеркнуть лишь нѣкоторые внѣшніе ея соотношенія съ прочими сторонами македонской образованности. Къ числу такихъ соотношеній принадлежитъ, прежде всего, *ἡ κοινή*, т. е. общегреческій языкъ, вышедшій изъ Аристотелевской школы и основанный, повидимому, на эллинизмъ македонскомъ. Вытѣснивъ постепенно всѣ прежніе узко-областные греческіе диалекты, онъ сталъ мощнымъ органомъ науки, не только въ Александрійской, но и въ позднѣйшій Византійской періодъ ея развитія, вплоть до зарожденія ново-греческаго литературнаго языка. На этомъ главнѣйше языкѣ проповѣдано было христіанство и написаны опредѣленія вселенскихъ соборовъ; на немъ же писалъ впоследствии патріархъ Фотій, а за нимъ, безспорно, и ученикъ послѣдняго—св. Кириллъ Философъ. Не отсюда ли заимствована послѣднимъ и идея общеславянскаго образованнаго языка, уже осуществившаяся было на почвѣ говора солунскихъ или по другимъ цареградскихъ славянъ, а нынѣ постепенно назрѣвающая на почвѣ языка Ломоносовыхъ, Пушкинскихъ, Гоголей?

Во 2-хъ, сюда относится идея культурнаго сближенія самыхъ разноплеменныхъ народовъ, путемъ между прочимъ основанія въ ихъ средѣ новыхъ культурныхъ центровъ, изъ коихъ одинъ— египетская Александрія даже стала послѣ Аристотели, при Птолемахъ, главнымъ средоточіемъ греческой науки и образованности, подобно тому, какъ нашъ Петроградъ сталъ таковымъ для образованности русской попетровскаго періода.

Конечно, нашей сѣверной Пальмиры еще далеко до той просвѣтительной роли, какую пришлось сыграть на эллинистическомъ Востокѣ Александрійскому Музею, съ его учеными и учебными учрежденіями, въ теченіе 9 вѣковъ блестящаго управленія въ Египтѣ сначала македонской династіи Птолемидовъ, а позже нѣкоторыхъ изъ римскихъ кесарей. Здѣсь, въ этой македонской колоніи, продолжала свое развитіе греческая философія (неоплатонизмъ), греческая филологія (Эратосфенъ и др.), астрономія (Птоломей), математика (Евклидъ), медицина (Галенъ),—словомъ все тогдашнія науки и искусства. Отсюда главнымъ образомъ распространились они потомъ въ Пергамъ, Тарсъ, Эфесъ, Антиохію, Селевкію, даже Римъ, и наконецъ въ Азію христіанскаго періода и въ Константинополь, которому затѣмъ суждено было еще на 10 вѣковъ продолжать развитіе эллинистической образованности оплодотворенной и просвѣтленной христіанствомъ. Къ Александрію же примыкаетъ блестящая средневѣковая образованность арабская, а къ Византіи—возрожденіе наукъ и искусствъ въ Западной Европѣ, не потерявшее тамъ своего значенія и дониндѣ.

И славянская образованность получила свои сѣмена изъ образованности Византійской, при чемъ македонскому Солуню пришлось и тутъ сыграть роль великую, всемірно-историческую. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутые уже выше Солунскіе братья Кирилль и Меѳодій являются основателями не только славянской церкви, но и славянской письменности, общеславянскаго литературнаго языка и общеславянской образованности.

Вопросъ о томъ: зародились ли этотъ языкъ и эта письменность въ Солунѣ, гдѣ родились наши первоучители, или въ Цареградѣ, гдѣ Кирилль получилъ у Фотія (какъ нѣкогда Аристотель у Платона) свое высшее образованіе, или въ „словѣнскомъ княженіи“ въ Македоніи, гдѣ Меѳодій былъ архонтомъ, или наконецъ въ Полихронскомъ монастырѣ подъ Малоазійскимъ Олимпомъ (гдѣ онъ былъ потомъ игуменомъ),—особаго значенія не имѣетъ, потому что между греками и славянами солунскими и цареградскими той эпохи особой разницы быть

не могло. И тѣ и другіе греки были греки византійскіе или ромеи, чада восточной церкви, восточной имперіи, восточно-христіанской образованности, нашедшей именно тогда свое полное отображеніе въ лицѣ и дѣятельности патр. Фотія. Тѣ и другіе славяне были славяне македоно-вѣракійскаго діалектическаго типа, составлявшіе въ ту пору значительную часть населенія и въ Солунѣ [гдѣ по Панин. житію св. Меѳодія: Селуняне вси словѣнскы чисто бесѣдуютъ] и въ Цареградѣ, а отчасти и по ту сторону Мраморнаго моря, въ такъ наз. Опсикійской темѣ, куда имп. Юстиніанъ II въ 688 г. переселилъ изъ подъ Солуня до 30 тыс. славянскихъ колонистовъ, къ которымъ Константинъ V еще прибавилъ потомъ до 200 тыс. Понятно, что между этими македонскими и опсикійскими славянами въ равной мѣрѣ должно было находиться много образованныхъ христіанъ, даже монаховъ, которые могли совмѣстно помогать св. Кириллу и Меѳодію какъ при переводѣ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ, такъ и при учрежденіи на этомъ языкѣ школъ въ Великой Моравіи и другихъ примыкавшихъ тогда къ ней славянскихъ странахъ.

И характеръ кирилловской графики, основанной на греческой, могъ возникнуть какъ въ Солунѣ, такъ и въ Цареградѣ гдѣ въ равной мѣрѣ можемъ предполагать, на основаніи Храбра, и болѣе раннее примѣненіе „греческихъ письменъ“ къ славянской рѣчи.

Что касается, наконецъ, идеи о дарованіи славянамъ, какъ великому народу, особой литургической и иной письменности, при томъ съ общеславянскимъ характеромъ, то, конечно, на основаніи Паннонскихъ житій, мы должны считать ее гениальнымъ помысломъ Кирилла Философа, но основаннымъ на прецедентахъ восточно-христіанской образованности; ибо она для своего выраженія издревле допускала наряду съ языкомъ общегреческимъ и мѣстные языки, напр., сирскій, коптскій, армянскій, грузинскій, готскій и др. Это обусловлено было самимъ универсализмомъ какъ Македонской, а потомъ Византійской имперіи, такъ и аристотелевско-александрійской образованности, не говоря уже о вселенскомъ характерѣ христіанства и свободномъ соборномъ строѣ православной церкви.

Но не одно возникновеніе славянской письменности, а и дальнѣйшая ея судьба тѣсно связаны съ Македоніей. Къ ней примыкаетъ литературная дѣятельность всѣхъ почти „седемочисленниковъ“, которымъ службы и появилась потомъ въ Македоніи,—равно и вообще расцвѣтъ церковно-славянской письменности въ

вѣкъ царей Симеона и Самуила, хотя нѣкоторая часть сохранившихся юсовыхъ кодексовъ могла возникнуть тогда и въ другихъ частяхъ Болгаріи. Съ XI же вѣка могъ принимать въ этой литературѣ нѣкоторое участіе и Аѳонъ, въ монастыряхъ коего сохранилось до нашего времени, несмотря на зубъ времени, такое множество памятниковъ славянской письменности кирилловскаго, а отчасти и глагольскаго типа.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что и въ дальнѣйшемъ развитіи среднегреческой или византійской письменности Македонія принимала довольно значительное участіе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ имена: историка X в. Іо. Каменіата изъ Солуня, ученаго богослова и филолога Евстафія еп. Солунскаго († 1194), гуманистовъ: Феодора Газы, Іо. Андроника Каллиста, Матв. Камаріотиса и н. др.

V.

Такимъ образомъ Македонія приняла большее или меньшее участіе:

1) въ разработкѣ идей вселенской церкви въ вѣкъ апостоловъ и соборовъ и при установленіи типа православія, а затѣмъ въ организаціи по этому типу славянской церкви и распространеніи ея между всѣми славянскими народами:

2) въ образованіи міровой имперіи Александра В., основанной на федераціи народовъ, объединенныхъ культурнымъ наслѣдіемъ Эллады и примыкающихъ къ ней эллинистическихъ странъ и народовъ Востока, конечно, не безъ вліянія и идей римскаго права:

3) въ подведеніи Аристотелемъ итоговъ греческой мудрости и въ обширной переработкѣ ихъ, послужившей затѣмъ основой Александрійскаго періода образованности, связаннаго чрезъ Римъ, арабовъ и Византію съ образованностью новоевропейскою, а еще болѣе съ восточно-христіанскою.

Но такъ какъ изъ сочетанія идей восточнаго христіанства, восточной имперіи и восточной образованности съ идеями славянской церкви, славянской имперіи и славянской образованности получается именно то, что мы называемъ нынѣ греко-славянскимъ культурнымъ міромъ или типомъ, то отсюда ясно, какую важную, всемірно-историческую роль пришлось сыграть Македоніи, въ которой именно и опредѣлились главные фазисы этого сочетанія.

Кристаллизационнымъ же пунктомъ въ этомъ великомъ процессѣ послужила дѣятельность солунскихъ братьевъ, которые и являются вслѣдствіе того основоположниками греко-славянскаго культурнаго типа.

Если же это такъ, то не заслуживаетъ ли эта священная область любовнаго отношенія къ себѣ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ нашего культурнаго міра, независимо отъ того, называются ли они греками, албанцами, волохами, болгарами, сербами, русскими? Не относятся ли ко всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ обращенныя къ Филиппійцамъ слова Ап. Павла: „Исполните мою радость, да тоже мудрствуете, ту же любовь имуще, единомыслии, единомудренни“ (гл. II, ст. 2)? Македоніи не предстоитъ уже, конечно, роли ни Македоніи Филиппа II, ни Александра Великаго, ни какого нибудь Балканскаго Пьемонта. Но ничто не мѣшаетъ ей стать опять— какъ въ дни былые—однимъ изъ завѣтнѣйшихъ звеньевъ въ культурной системѣ греко-славянскихъ народовъ.

Для осуществленія такой задачи окажутся, конечно, недостаточными ретроспективные взгляды на прошлое Македоніи, въ ея соотношеніяхъ съ міромъ греческимъ и славянскимъ. Но при свѣтѣ исторіи сознательнѣе могутъ проявиться въ этомъ направленіи совмѣстныя усилія всѣхъ истинныхъ сыновъ греко-славянскаго міра, объединенныя священными завѣтами и высокими, непобѣдимымъ знаменемъ нашихъ Македонскихъ Первоучителей.

А. Будилевичъ.

